

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Многие спрашивают, как мне пришла в голову идея написать «Голодные игры», первый роман моей новой трилогии для юношеской аудитории.

Наверное, их удивляет то, что эта книга так мало похожа на мои романы о Грегоре Надземном, предназначенные для младших школьников.

Трудно назвать какую-то одну причину. Наверное, первые семена были посеяны еще в детстве, когда в возрасте восьми лет я увлеклась мифологией и прочитала историю о Тесее. Миф рассказывает о том, как в наказание за прошлые провинности афиняне должны были в определенные годы посылать на Крит семь юношей и семь девушек. Там их бросали в Лабиринт, обрекая на съедение чудовищу Минотавру. Уже тогда, в третьем классе, я осознала безжалостный смысл этого требования: попробуйте тронуть нас, и мы не просто убьем вас, мы будем убивать ваших детей.

Также в детстве я смотрела очень много фильмов о гладиаторах: древние римляне умели превращать казни в массовые развлечения. На каникулах мы часто ездили с отцом, военным специалистом и историком, к местам известных сражений, а в старших классах я много путешествовала с фехтовальным обществом. Но непосредственным толчком послужил сравнительно недавний случай: сидя у телевизора и щелкая пультом, я вдруг перескочила с реалити-шоу на репортаж о реальных военных действиях. Тогда-то и родилась история Китнисс.

Возможно, потому, что книга написана от первого лица, Китнисс очень близка моему сердцу.

Надеюсь, она найдет путь и к вашему.

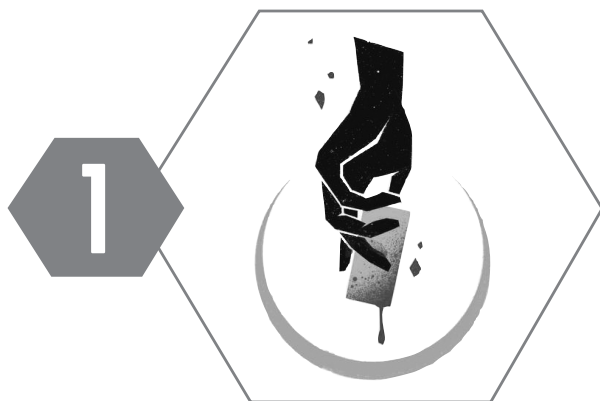
*С наилучшими пожеланиями,
Сьюзен Коллинз*

Посвящается Джеймсу Проймосу

ТРИБУТЫ

Каждый из двенадцати дистриктов обязан раз в год предоставлять для участия в Играх одну девушку и одного юношу — трибутов. Двадцать четыре трибута со всех дистриктов помещают на огромную открытую арену: там может быть все что угодно — от раскаленных песков до ледяных просторов. Там в течение нескольких недель они должны сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Последний оставшийся в живых выигрывает.

Япросыпаюсь и чувствую, что рядом на кровати пусто. Пытаюсь нащупать тепло Прим, но под пальцами лишь шершавая обивка матраса. Должно быть, сестренке снились кошмары, и она перебралась к маме. Неудивительно — сегодня День Жатвы.

Приподнимаюсь на локте и вижу их в полумраке спальни: Прим, свернувшись калачиком, тесно прижалась к матери, щека к щеке. Во сне мама выглядит моложе — осунувшейся, но не измотанной. Лицо Прим свежо, как капля росы, и красиво, как цветок примулы, давшей ей имя. Мама тоже когда-то была красавицей. Так мне говорили.

У ног Прим устроился ее верный страж — самый уродливый кот в мире. Нос вдавлен, половина уха оторвана, глаза цвета гнилой тыквы. Прим назвала его Лютик — она почему-то уверена, что шерсть у него золотистая, а не грязно-бурая.

Кот меня ненавидит. По меньшей мере не доверяет. Уже несколько лет прошло, а помнит, наверное, как я хотела утопить его в ведре, когда сестра притащила его котенком в дом. Тошего, блохастого. От глистов чуть не лопался. Только такого нахлебника мне и не хватало! Но Прим так упрашивала, плакала... Пришлось оставить. Может, оно и к лучшему. Есть кому мышей ловить. Кот оказался прирожденным охотником. Бывает, даже с крысами справляется. Паразитов мама ему вывела.

Когда потрошу добычу, я иногда бросаю Лютику внутренности. А он перестал на меня ошетиливаться. Вот и всё. Похоже, наши взаимные симпатии этим и ограничатся.

Я спускаю ноги с кровати и обуваюсь. Мягкая кожа охотничьих ботинок приятно облегает ступни и голени. Надеваю брюки, рубашку, прячу длинную темную косу под шапку и хватаю рюкзак. На столе под перевернутой деревянной миской — чтобы крысы или какие-нибудь голодные коты не добрались — лежит кусочек козьего сыра, обернутый листьями базилика, подарок от Прим ко Дню Жатвы. Я бережно кладу его в карман и выскальзываю на улицу.

Мы живем в Дистрикте-12, в районе, прозванном Шлак. По утрам здесь обычно полно народу. Шахтеры торопятся на смену. Мужчины и женщины с согнутыми спинами, распухшими коленями. Многие уже давно оставили всякие попытки вычистить угольную пыль из-под обломанных ногтей и отмыть грязь, ввевшуюся в морщины на изможденных лицах.

Сегодня черные, усыпанные шлаком улицы безлюдны. Окна приземистых серых домишек закрыты ставнями. Жатва начнется в два. Можно и поспать. Если получится.

Наш дом почти на окраине Шлака. Проходишь всего несколько ворот, и ты уже на Луговине — заброшенном пустыре. За Луговиной — высокий сетчатый забор с витками колючей

проволоки поверху. Там заканчивается Дистрикт-12. Дальше — леса. Задумывалось, что все двадцать четыре часа в сутки забор будет под напряжением, чтобы отпугивать хищников: диких собак, кугуаров-одиночек, медведей. А то они раньше к самым домам подбирались. Только так уж нам везет, что электричество дают всего на два-три часа по вечерам, поэтому забора можно не опасаться. Все равно всегда останавливаюсь и слушаю — на всякий случай. Не гудит, значит, тока нет. Сейчас тихо. Я ложусь на землю и проползаю под забором — тут сетка уже два года как оборвана. И за кустами тебя не видно. Вообще, таких лазов несколько, но этот ближе всего к дому: зачем ходить дальше?

Оказавшись в лесу, я достаю из дупла старого дерева припрятанные лук и колчан со стрелами. С электричеством или без, забор все-таки отпугивает хищников, в дистрикт они больше не суются. А в лесу им приволье. Тут уж держи ухо востро. Да еще всякая мелочь, большая бешенством, ядовитые змеи. И тропинок почти никаких нет. Зато можно добыть еду, если умеешь. Отец умел. Меня он тоже кое-чему успел научить, пока не случилась та авария в шахте и его не разорвало на кусочки. Даже хоронить оказалось нечего. Мне тогда было одиннадцать. Прошло пять лет, а я все еще просыпаюсь от собственного крика: «Беги!»

Вообще-то по лесам ходить запрещено, а охотиться тем более. Многих это не остановило бы, будь у них оружие, однако не всякий решится пойти на зверя с одним ножом. Мой лук — один из немногих в округе. Еще несколько я аккуратно упаковала в непромокаемую ткань и спрятала в лесу. Все их сделал отец. Он мог бы неплохо зарабатывать на изготовлении луков, но узнай об этом власти, его бы публично казнили за подстрекательство к мятежу.

На тех, кто все-таки охотится, миротворцы в основном смотрят сквозь пальцы. Тоже ведь свежего мяса хотят. По правде говоря, они — наши главные скупщики. Но снабжать Шлак оружием — такого, конечно, никто не допустит.

По осени некоторые сорвиголовы отваживаются пробираться в леса за яблоками. Далекое не заходят, с Луговины глаз не спускают. Чуть что — сразу обратно, к родным крышам. «Дистрикт-12. Здесь вы можете подышать от голода в полной безопасности», — бормочу я и тут же оглядываюсь. Даже здесь, в глуши, боишься, что тебя кто-нибудь услышит.

Когда я была поменьше, то ужасно пугала маму, высказывая все, что думаю о Дистрикте-12 и о людях, которые управляют нашей жизнью из далекого Капитолия — столицы нашей страны Панем. Постепенно я поняла, что так нельзя: можно навлечь беду. Научилась держать язык за зубами и надевать маску безразличия, чтобы было непонятно, о чем я думаю. В школе стараюсь не высовываться. На рынке иногда поболтаю с кем-нибудь из вежливости, и то в основном о делах в Котле — это наш черный рынок, деньги у меня по большей части оттуда. Дома я, конечно, не такая пай-девочка, тем не менее ни о чем таком стараюсь не распространяться — о Жатве, например, о нехватке продуктов, о Голодных играх. Вдруг Прим станет повторять мои слова — и что тогда с нами будет?

В лесу меня ждет единственный человек, с кем я могу быть сама собой. Гейл. И сейчас, когда я карабкаюсь по холмам к нашему месту — скалистому уступу высоко над долиной, скрытому от чужих глаз густым кустарником, у меня будто груз сваливается с плеч, и шаги становятся быстрее. Я замечаю Гейла издали и невольно начинаю улыбаться. Гейл говорит, что улыбаюсь я только в лесу.

— Привет, Кискисс! — кричит он.

На самом деле мое имя Китнисс, но, когда мы познакомились, я его едва прошептала, и ему послышалось «Кискисс». А потом ко мне привязалась какая-то глупая рысь, которая думала, что ей что-нибудь перепадет от моей добычи. Вот все и подхватили это прозвище. Рысь в конце концов пришлось убить — всю дичь распугивала. Даже жалко, с рысью как-то веселее было. Шкуру я продала, и неплохо.

— Гляди, что я подстрелил.

Гейл держит в руках буханку хлеба, из которой торчит стрела. Я смеюсь. Хлеб настоящий, из пекарни, совсем не похож на те плоские липкие буханки, что мы печем из пайкового зерна. Я беру хлеб, вытаскиваю стрелу и с наслаждением нюхаю. Рот сразу наполняется слюной. Такой хлеб бывает только по особым праздникам.

— М-м... еще теплый, — восхищаюсь я. Гейл, наверное, еще на рассвете сбегал в пекарню, чтобы его выторговать. — Сколько отдал?

— Всего одну белку. Старик сегодня что-то больно добрый. Даже удачи пожелал.

— В такой день мы все чувствуем единение, верно? — говорю я и даже не закатываю при этом глаза. — Прим оставила нам сыра. — Я достаю из кармана сверток.

Гейл радуется еще больше.

— Спасибо ей. Да у нас настоящий пир. — Он вдруг начинает говорить с capitoлийским акцентом и пародировать Эффи Бряк — неистово бодрую даму, каждый год приезжающую объявить имена на очередной Жатве. — Чуть не забыла! Поздравляю с Голодными играми! — Гейл срывает несколько ягодин с окружающего нас ежевичника. — И пусть удача...

Он подбрасывает ягоду, и когда она, описав высокую дугу, летит в мою сторону, я ловлю ее ртом и, прокусив нежную кожу, ощущаю терпкую сладость на языке.

— ...всегда будет на вашей стороне! — заканчиваю я с тем же энтузиазмом.

Нам не остается ничего другого как шутить. Иначе можно сойти с ума от страха. К тому же capitoлийский выговор такой жеманный — что ни скажи, все смешно выходит.

Я смотрю, как Гейл вытаскивает нож и нарезает хлеб. Гейл вполне мог бы сойти за моего брата. Прямые черные волосы, смуглая кожа, даже глаза как у меня — серые. Однако мы не родственники, во всяком случае не близкие. Большинство семейств, работающих на шахтах, похожи друг на друга. Потому-то моя мама и Прим со своими светлыми волосами и голубыми глазами всегда смотрелись здесь чужаками. Чужаки они и есть. Родители мамы принадлежали к маленькому клану аптекарей, обслуживающему чиновников, миротворцев и пару-тройку клиентов из Шлака, и жили в другом, более престижном районе Дистрикта-12. Доктора мало кому по карману, так что лечимся мы у аптекарей. Мой будущий отец собирал в лесах целебные травы и продавал в аптеку. Там они с мамой и познакомились. Мама, видно, здорово его любила, раз согласилась променять родной дом на Шлак. Я пытаюсь вспомнить что-то из их совместной жизни, а перед глазами лишь бледная женщина с непроницаемым лицом, которая сидит и смотрит, как ее дети превращаются в вяленую рыбу. Я пытаюсь простить ее ради отца. По правде говоря, я не из тех, кто легко прощает.

Гейл кладет на ломтики хлеба мягкий козий сыр и аккуратно покрывает листиком базилика; я тем временем собираю с кустов ягоду. Потом мы устраиваемся в укромном

местечке между выступами скал, где нас никто не увидит, зато перед нами, как на ладони, долина, бурлящая летней жизнью, с тьмою всякой съедобной зелени и корений, и озеро с рыбой, переливающейся на солнце всеми цветами радуги. День прекрасный: голубое небо, ласковый ветерок. Еда тоже отличная: хлеб, пропитанный мягким сыром, ягоды, брызжущие соком во рту. Куда уж лучше. Одно плохо: не весь день нам с Гейлом бродить по горам, добывая ужин. В два часа нужно быть на площади и ждать, когда объявят имена.

— А мы ведь смогли бы, как думаешь? — тихо говорит Гейл.

— Что? — спрашиваю я.

— Уйти из дистрикта. Сбежать. Жить в лесу. Думаю, мы бы с тобой справились.

Я просто не знаю, что ответить, такой дикой мне кажется эта мысль.

— Если бы не дети, — поспешно добавляет Гейл. Дети, конечно, не наши. Но все равно что наши.

У Гейла два младших брата и сестра. У меня Прим. А еще матери. Как они обойдутся без нас? Кто их всех накормит? Ведь даже сейчас, когда мы с Гейлом охотимся каждый день, а бывает, поменяем добычу на топленое сало, на шерсть или шнурки для ботинок, все равно ложишься спать голодным. Аж в животе урчит.

— Никогда не буду заводить детей, — говорю я.

— Я бы завел. Если бы жил не здесь, — отвечает Гейл.

— Если бы да кабы, — раздражаюсь я.

— Ладно, забыли, — огрызается он в ответ. Разговор какой-то дурацкий получился. Уйти?

Как я могу уйти и бросить Прим — единственного человека на земле, про которого я точно знаю, что люблю?

И Гейл ведь тоже предан своей семье. Мы никак не можем уйти, так с какой стати затевать об этом разговор? А если бы и ушли... если бы ушли... С чего мы вдруг заговорили про своих детей? В наших отношениях с Гейлом никогда не было и тени романтики. Когда мы встретились, я была тощей двенадцатилетней девчонкой, а он, хотя всего на два года старше, уже выглядел мужчиной. Мы и друзьями-то не сразу стали. Долго еще спорили из-за каждого трофея, пока не стали помогать друг другу.

К тому же если Гейл захочет детей, то жену ему найти — раз плюнуть. Красивый, сильный — в шахте может работать, и охотник замечательный. Когда по школе проходит, все девочки шушукаются. Я ревную, но вовсе не из-за того, о чем многие могут подумать. Хорошие напарники на дороге не валяются.

— Чем займемся? — спрашиваю я.

Можно поохотиться, порыбачить или пособирать ягоды.

— Давай к озеру. Удочки поставим, потом в лес. Наберем чего-нибудь вкусного на вечер.

На вечер... После Жатвы — официальный праздник. Многие действительно празднуют — рады, что их детей в этот раз не тронули. Но, по крайней мере, в двух домах ставни и двери будут плотно закрыты, а их обитатели будут думать, как пережить следующие несколько ужасных недель. Все идет как по маслу. Хищников можно не бояться, у них сейчас полно добычи получше. Утро еще не закончилось, а у нас уже дюжина рыбин, целая сумка зелени и, что самое приятное, полведра земляники. Земляничник я нашла несколько лет назад, а Гейлу пришлось в голову натянуть вокруг сетку, чтобы звери не вытоптали.

По пути домой мы заворачиваем в Котел, нелегальный рынок на заброшенном угольном складе. Когда придумали

более удобный способ доставлять уголь из шахт прямо к поездам, здесь постепенно расцвела торговля. Хотя сегодня День Жатвы и большинство предприятий к этому времени уже закрыто, на рынке дела идут еще полным ходом. Мы легко обмениваем шесть рыбин на хороший хлеб, и еще две — на соль. Сальная Сэй, костлявая женщина, продающая горячий суп из большущего котла, забирает у нас половину зелени в обмен на пару брусков парафина. Кому-то другому можно было бы и повыгоднее толкнуть, только с Сальной Сэй надо поддерживать хорошие отношения. Кому еще всегда сбудешь дохлую дикую собаку? Специально мы на них не охотимся, но если они сами нападут, и прибьешь случайно пару-тройку, так не выбрасывать же — мясо есть мясо. «Попадут в суп, станут говядиной», — подмигивает Сэй. Оно, конечно, от хорошей собачьей ножки никто в Шлаке носа воротить не будет. Миротворцы — те поразборчивей, а они в Котел тоже частенько заглядывают.

С рынка мы идем к дому мэра продать половину земляники — он очень ее любит и не торгуется. Дверь открывает Мадж — его дочь. Она учится со мной в одном классе. И совсем не зазнается из-за отца. Просто держится особняком, как и я. Ни у меня, ни у нее нет своей компании, поэтому мы часто оказываемся рядом. В столовой, на собраниях, во время спортивных игр, когда нужен партнер. Разговариваем редко, и нас это устраивает.

Сегодня по случаю Жатвы на ней дорожущее белое платье вместо серого школьного, а светлые волосы стянуты розовой ленточкой.

— Классное платье, — говорит Гейл.

Мадж бросает на него взгляд, стараясь понять, на самом деле ему нравится или он только подсмеивается. Платье

и вправду классное, но в обычный день Мадж никогда бы его не надела. Она сжимает губы, потом улыбается.

— Что ж, если придется ехать в Капитолий, то лучше быть красивой, так ведь?

Теперь очередь Гейла задуматься: в самом деле она так думает или просто играет? Я думаю, второе.

— Ты в Капитолий не поедешь, — холодно отвечает Гейл. Его взгляд останавливается на маленькой круглой броши, украшающей наряд Мадж. Настоящее золото, искусная работа. Целая семья могла бы несколько месяцев покупать на нее хлеб. — Сколько раз тебя впишут? Пять? Меня вписывали шесть раз, когда мне было двенадцать.

— Она не виновата, — говорю я.

— Не виновата. Да. И все равно это так.

Мадж насупилась. Она сует деньги за ягоды мне в руку.

— Удачи, Китнисс.

— Тебе тоже. — Дверь закрылась.

В Шлак мы возвращаемся молча. Мне не нравится, как Гейл уколол Мадж, но вообще-то он прав. Жатва происходит несправедливо, и хуже всего приходится беднякам. По правилам в Жатве начинают участвовать с двенадцати лет. Первый раз твое имя вносится один раз, в тринадцать лет — уже два раза, и так далее, пока тебе не исполнится восемнадцать, когда твое имя пишут на семи карточках. Это касается всех без исключения граждан Панема во всех двенадцати дистриктах.

А вот тут начинается самое интересное. Допустим, ты бедняк и помираешь от голода. Тогда ты можешь попросить, чтобы тебя включили в Жатву большее число раз, чем полагается, а взамен получаешь тессеры. За тессер целый год дают зерно и масло на одного человека. Сыт, конечно, не будешь,

но лучше, чем ничего. Можно взять тессеры и для всех членов семьи. Когда мне было двенадцать, меня вписали четырежды. Один раз по закону, и еще по разу за тессеры для Прим, мамы и меня самой. В следующие годы приходилось делать так же. А поскольку каждый год цена тессера увеличивается на одно вписывание, то теперь, когда мне исполнилось шестнадцать, мое имя будет на двадцати карточках. Гейлу восемнадцать, и он уже семь лет кормит семью из пяти человек. Его впишут сорок два раза! Понятно, что такие, как Мадж, которой никогда не приходилось рисковать из-за тессер, вызывают у Гейла раздражение. Рядом с нами, обитателями Шлака, у нее просто нет шансов попасть в Игры. Почти нет. Конечно, правила устанавливает Капитолий, а не дистрикты и тем более не родственники Мадж, и все равно трудно питать симпатии к тем, кому не приходится, как тебе, торговать собственной шкурой ради куска хлеба.

Гейл и сам понимает, что зря злится на Мадж. В другие дни, в лесах, он часто распространялся о том, что тессеры — это еще одно средство укоренить вражду между голодными рабочими Шлака и теми, кому не нужно каждый день думать о пропитании. «Капитолию выгодно, чтобы мы были разобщены», — говорил он не раз и скажет еще. Но не в День Жатвы. Не после тех в общем-то безобидных слов девушки, которая носит золотую брошь и прекрасно обходится без всяких тессер.

По пути я бросаю взгляд на Гейла и вижу, что за каменным выражением лица все еще скрывается злость. По моему, все эти припадки гнева совершенно бессмысленны, хотя Гейлу я так никогда не скажу. Дело не в том, что я с ним не согласна. Даже очень согласна. Только что толку кричать посреди леса, как плох Капитолий? Ничего ведь

не изменится. Справедливости не станет больше. И сыт от крика не станешь. Наоборот, только дичь распугаешь. И все-таки я не возражаю. Пусть уж лучше выпустит пар в лесу, чем в дистрикте.

Мы с Гейлом делим остатки добычи: каждому достается по две рыбины, паре буханок хлеба, зелень, несколько стаканов земляники, соль, кусок парафина и чуть-чуть денег.

— Увидимся на площади, — говорю я.

— Ты уж принарядись, — хмуро отвечает Гейл. — Дома мама и сестра уже собрались. Мама надела красивое платье, оставшееся у нее с аптечных времен. На Прим — моя блузка с оборками и юбка, в которых я шла на свою первую Жатву.

Меня ждет лохань с горячей водой. Я смываю пот и грязь, налипшую в лесу, и даже мою волосы. Мама приготовила мне одно из своих красивых платьев, голубое из мягкой тонкой материи.

— Ты правда думаешь, мне стоит его надеть? — удивляюсь я.

Одно время я так злилась на маму, что вообще ничего не хотела от нее принимать. Теперь стараюсь не отказываться. Но этот случай особый. Для мамы всегда очень много значили вещи из ее прошлой жизни.

— Конечно. И давай сделаем тебе прическу. — Мама насухо вытирает мне волосы полотенцем, старательно расчесывает и укладывает. Когда я смотрюсь в наше треснутое зеркало у стены, то едва себя узнаю.

— Ты такая красивая! — тихо выдыхает Прим.

— Будто подменили, — говорю я и обнимаю ее. Как трудно ей будет пережить следующие часы, свою первую Жатву. Она почти в безопасности, — если тут вообще кто-то в безопасности, — ее имя внесли только один раз, по возрасту; я бы

ни за что не позволила ей взять тессеры. Но Прим боится за меня. Боится того, о чем даже думать не хочется.

Я всегда защищаю Прим как только могу, а здесь бессильна. Боль, которую чувствует сестра, передается и мне, и я боюсь, что она это заметит. Край ее блузки выбился наружу.

— Подбери хвост, утенок, — говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно, и заправляю блузку.

— Кря-кря, — крикает мне Прим и смеется.

— Кря-кря и тебе, — отвечаю я и тоже смеюсь — так, как могу смеяться только рядом с Прим. — Пошли обедать, — говорю я, целуя ее в макушку.

Рыба и зелень уже тушатся в печи на вечер. Землянику и настоящий хлеб тоже прибережем до ужина — пусть он будет особенный. А сейчас мы едим черствый хлеб из зерна, полученного на тессеры, и запиваем молоком от козы Леди — подопечной Прим. Аппетита, впрочем, все равно ни у кого нет.

В час мы направляемся к площади. Присутствовать должны все, разве что кто-то при смерти. Служаки вечером придут проверят, и если это не так — посадят в тюрьму.

Плохо, что Жатву проводят именно на площади — единственном приятном месте во всем Дистрикте-12. Площадь окружена магазинчиками, и в базарный день, да еще если погода хорошая, чувствуешь себя здесь как на празднике. Сегодня площадь выглядит зловеще — даром что флагов кругом навешали. И телевизионщики с камерами, рассевшиеся, как стервятники, на крышах, настроения не поднимают.

Люди молча гуськом подходят к чиновнику и записываются — так Капитолий заодно и население подсчитывает. Тех, кому от двенадцати до восемнадцати, расставляют группами по возрасту на огражденных веревками площадках — старших впереди, младших, как Прим, сзади. Родственники, крепко

держась за руки, выстраиваются по периметру. Есть еще другие — те, кому сейчас не за кого волноваться или кому уже наплевать, — они ходят среди толпы и принимают ставки на детей, чьи имена сегодня выпадут, — какого они будут возраста, из Шлака или из торговых, будут ли они убиваться и плакать. Большинство с подлецами не связываются, но и сурового отпора не дают — они частенько оказываются доносчиками, а кто ни разу не нарушал закон? Меня бы, к примеру, запросто могли расстрелять за охоту, если бы чинуши сами есть не хотели и не прикрывали. Не все могут на это рассчитывать. И вообще, мы с Гейлом решили, что чем с голоду подыхать, лучше уж пулю в лоб — быстрее и мучиться меньше.

Люди прибывают, становится тесно, даже дышать трудно. Площадь хоть и большая, но не настолько, чтобы вместить все восьмидесятичное население Дистрикта-12. Опоздавших направляют на соседние улицы, где они смогут наблюдать за событиями на экранах: Жатва транслируется по всей стране в прямом эфире.

Я оказываюсь среди сверстников из Шлака. Мы коротко киваем друг другу и устремляем внимание на временную сцену перед Домом правосудия. На сцене — три стула, кафедра и два больших стеклянных шара — для мальчиков и для девочек. Я не отрываясь смотрю на полоски бумаги в девичьем шаре. На двадцати из них аккуратным почерком выведено: «Китнисс Эвердин».

Два из трех стульев занимают мэр Андерси, высокий лысеющий господин, и приехавшая из Капитолия Эффи Бряк, женщина-сопроводитель, ответственная за наш дистрикт, — с розовыми волосами, в светло-зеленом костюме и с жуткой белозубой улыбкой на лице. Они о чем-то переговариваются, озабоченно поглядывая на пустующий стул.

Как только часы на ратуше пробьют два, мэр выходит к кафедре и начинает свою речь. Ту же, что всегда. Рассказывает историю Панема — страны, возникшей из пепла на том месте, которое когда-то называли Северной Америкой. Перечисляет катастрофы — засухи, ураганы, пожары, моря, вышедшие из берегов и поглотившие так много земли, жестокие войны за жалкие остатки ресурсов. Итогом стал Панем — сияющий Капитолий, окаймленный тринадцатью дистриктами, принесший мир и благоденствие своим гражданам. Потом настали Темные Времена, мятеж дистриктов против Капитолия. Двенадцать были побеждены, тринадцатый — стерт с лица земли. С вероломными дистриктами был заключен договор, снова гарантировавший мир и давший нам Голодные игры в качестве напоминания и предостережения, дабы никогда впредь не наступали Темные Времена.

Правила просты. В наказание за мятеж каждый из двенадцати дистриктов обязан раз в год предоставлять для участия в Играх одну девушку и одного юношу — трибутов. Двадцать четыре трибута со всех дистриктов помещают на огромную открытую арену: там может быть все что угодно — от раскаленных песков до ледяных просторов. Там в течение нескольких недель они должны сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Последний оставшийся в живых выигрывает.

Забирая детей и вынуждая их убивать друг друга у всех на глазах, Капитолий показывает, насколько велика его власть над нами, как мало у нас шансов выжить, вздумай мы взбунтоваться снова. Какие бы слова ни звучали из Капитолия, слышится в них одно: «Мы забираем у вас ваших детей, мы приносим их в жертву, и вы ничего не можете поделать с этим. Пошевелите только пальцем, и мы уничтожим вас всех. Как в Дистрикте-13».

Капитолию мало нас мучить, ему надо нас унижить, потому Голодные игры объявлены праздником, спортивным соревнованием, в котором дистрикты выступают соперниками. Выжившему трибуту обеспечивают безбедное существование в родном дистрикте, а сам дистрикт усыпают наградами — по большей части в виде продовольствия. Весь год Капитолий демонстрирует свою щедрость — выделяет победившему дистрикту зерно, масло, даже лакомства вроде сахара, в то время как остальные пухнут от голода.

— Это время раскаяния и время радости, — нараспев возглашает мэр.

Потом он вспоминает прошлых победителей из нашего дистрикта. За семьдесят четыре года их было всего двое. Один жив до сих пор. Хеймитч Эбернети, немолодой мужчина с брюшком, который как раз выходит на сцену. Пошатываясь и горланя что-то невразумительное, он грузно падает на третий стул. Успел нализаться. Толпа приветствует его жидкими аплодисментами, а он всю старается облапать Эффи Бряк, так что той едва удастся вывернуться.

Мэр явно огорчен. Церемонию показывают по телевидению, и все кому не лень теперь над нами смеются. Пытаясь вернуть внимание к Жатве, он поспешно представляет Эффи Бряк. Как всегда бодрая и неунывающая, она выходит к кафедре и провозглашает свое фирменное: «Поздравляю с Голодными играми! И пусть удача всегда будет на вашей стороне!»

Ее розовые волосы — скорее всего, парик: после встречи с Хеймитчем локоны слегка сдвинулись набок. Покончив с приветствием, Эффи говорит, какая для нее честь присутствовать среди нас, хотя каждый понимает, что она ждет не дождется, когда ее переведут в более престижный дистрикт, где

победители как победители, а не пьяницы, лапающие тебя перед всей нацией.

Сквозь толпу я вижу Гейла. Он тоже смотрит на меня и слегка улыбается: в кои веки на Жатве случилось что-то забавное... Тут меня пронзает мысль: в том шаре целых сорок два листочка с именем Гейла; удача не на его стороне. У других расклад куда как лучше. То же самое, наверное, Гейл подумал и обо мне, он мрачнеет и отворачивается. «Листков ведь несколько тысяч!» — шепчу я, как будто он может услышать. Пора тащить жребий. Как обычно, Эффи взвизгивает: «Сначала дамы!» — и семенит к девичьему шару. Глубоко опускает руку внутрь и вытаскивает листок. Толпа разом замирает. Пролети муха, ее бы услышали. От страха даже живот сводит, а в голове одна мысль крутится, как заведенная: только бы не я, только бы не меня!

Эффи возвращается к кафедре и, развернув листок, ясным голосом произносит имя. Это и вправду не я.

Это — Примроуз Эвердин.